

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

МОСК. ПРАВДА - 2005 - 11 ФЕВРАЛЯ -

- с. 14

Лучший на этой улице

На этот концерт Константина Лифшица я по-всякому пошел бы. Года три назад, впервые услышав, полюбил этого пианиста, а два года назад окончательно, как теперь говорят, «запал». Потрясло его исполнение гениального ХТК - Хорошо темперированного клавира Баха: все 24 прелюдии и фуги из 1-го тома за один вечер когда услышишь? Но тут еще в афише стояла 29-я соната Бетховена.

Я был немного знаком с этим произведением, но слышать в исполнении мастера не доводилось. Вообще сомневался, что 29-ю у нас в обозримом прошлом исполняли. Уже после концерта позвонил знаменитому пианисту и педагогу профессору Доренскому, и Сергей Леонидович припомнил, что эту сонату играл великий Эмиль Гилельс, что очень давно это было, а о более поздних исполнениях не знает.

Эта соната весьма отличается от остальных бетховенских. Дело не только в том, что четырехчастная, что звучит почти сорок минут. Она вообще... другая. Большинство, в особенности самые известные, наиболее часто исполняемые «Лунная», «Патетическая», «Аппассионата» - потрясающе яркие, но, если можно так сказать, простые. В том смысле, что музыка вызывает сильные, но ясные чувства. Практически всегда и у всех. (Вспомните хотя бы эпизод из фильма «Чапаев». Что менял для советского зрителя тот факт, что играл первую часть «Лунной» колчаковский генерал?!). А 29-я - словно рассказывает историю жизни таинственного незнакомца. Историю, богатую событиями, переживаниями, неожиданными поворотами судьбы. Рассказана-то она Бетховеном полно, да в состоянии ли мы расслышать все?

Играя, Лифшиц одну за другой переворачивал страницы этой истории. А впрочем, нет, не переворачивал - приподнимал, чтоб можно было заглянуть. Делал это так проникновенно, так бережно, так доверительно, что и не расслышанное, оставшееся тайной тоже наполняло душу - особым восторгом предчувствия. Словно пианист, более нас, конечно, знакомый с этой историей, и сам знает ее не исчерпывающе, не до конца, а потому ему, как и людям в зале, жутко интересно. Даже интереснее.

ПОХОЖЕ, для Лифшица не существует невозможного. Что уж за руки, что за пальцы дала ему природа (порода?), сколько он работает совершенствуя технику и виртуозность? Не знаю. Но и тишайшее его пиано будет услышано в самом последнем, в самом высоком ряду. А где надобно форте, он не сыграет фортиссимо.

Вообще-то виртуозностью нынче не удивить. Но как же часто бывает: пианист достиг технического совершенства, которое, казалось бы, позволяет полностью выразить себя; а выражать-то и нечего. Случается, и имя звездное, и исполнение безупречное, и произведение шедевр, но - не трогает. Такие артисты обычно, догадываясь о пустоте внутри, избегают играть «простую» музыку. (Иной раз даже не в пустоте дело - в бозни. Однажды спросил заме-

чательного пианиста: отчего не играешь Моцарта? Он ответил: страшно...)

Лифшиц, похоже, не боится ничего. Он живет в необозримом мире музыки, и всякий уголок этого мира для него свой. Между тем замечу, внешние его данные отнюдь не характерны для могучего пианиста. Первый раз увидишь - хляк. Только присмотревшись, послушав, понимаешь: он из тех, кого называют жилистым. Мощь и сила такие - широкоплечий здоровяк позавидует. К слову, прежде он малость сутулился, походка казалась немного неуверенной. Нынче этого не было и в помине. (Может, что-то в жизни изменилось? Кажется, на руке появилось кольцо, во всяком случае впервые заметил, хотя обычно обращаю внимание на такие детали.)

И еще. Мало, наверное, есть музыкантов, которые так начинают концерт. Пианист обычно тщательно усаживается, подгоняет табуретку по высоте, примеряется, бывает, протирает клавиатуру платком, какое-то время сидит неподвижно - сосредотачивается. Лифшиц стремительно выходит на сцену, на ходу кланяется (впрочем, почтительно и приветливо), стремительно бросает тело на табурет, а пальцы - на клавиатуру. Миг - и музыка полилась.

А ВОТ АФИШИ этого пианиста победнее. Ни указания на «заслуженность» и «народность», ни упоминания о лауреатстве. (Нынче какое имя ни встретишь на афише, хоть бы и совершенно незнакомое, непременно лауреат международных конкурсов.) А тут - просто Константин Лифшиц. Но еще мальчиком (тридцать ему исполнится только в следующем году) он давал концерты в разных городах, и с тех пор слава мчится впереди него. Конкурсы вроде бы были ни к чему. Выдающиеся музыканты почитают за честь выступать вместе с ним. Лучшие залы мира помнят его игру. А больше всего он, по собственному признанию, любит играть в Москве, для москвичей.

...По случаю вспомнился анекдот о четырех нью-йоркских портных, работавших по соседству. Один на вывеске начертал: «Лучший портной в Нью-Йорке», другой: «Лучший портной в Америке», третий: «Лучший портной в мире». А четвертый скромно написал над своим ателье: «Лучший портной на этой улице».

Леонид ГВОЗДЕВ.